

Запись 1: Как я хочу полететь в Космос

Почему я хочу полететь в Космос?

1. Я хочу принадлежать к прогрессивному общественному классу и приблизить светлое будущее для всех людей всей Вселенной. Защищать слабого — привилегия сильного. Я верю в это всем сердцем, и я готов отдать жизнь во имя светлых идеалов всеобщего равенства и прогресса. Я готов бороться с вредителями и врагами на территории всей Вселенной, если понадобится, я отдам жизнь за то, чтобы в мире торжествовал единственно правильный порядок. Человеку совершенно необходим смысл жизни, великая цель. Цель моей жизни — построить лучший мир для всех тех, кто будет жить после меня. Прогресс и порядок представляются мне объективно достигаемыми целями. Однажды Вселенная станет прекрасным местом, и я хотел бы, чтобы это случилось благодаря в том числе и моим усилиям. Впрочем, последнее — проявление индивидуализма. Я не хочу отправиться в Космос, чтобы стяжать себе славу. Наоборот, необходимо каждый день воспитывать себя для того, чтобы суметь поставить общественные интересы выше личных. Я хочу вырасти хорошим и порядочным человеком. Только таких людей берут в Космос. Таким был первый человек, который отправился туда, — Юрий Гагарин.

2. Я хочу увидеть мир таким, каков он есть. Я ничего еще не видел за пределами своей планеты, но знаю, что другие планеты бывают прекрасными или ужасающими. Я готов к прекрасному и готов к ужасающему.

3. Мой папа где-то в Космосе. Мама говорит, что он был пилотом космического корабля и они любили друг друга

очень сильно. Папа, конечно, не такой, как мы. В его голове нет червя, и он, я точно уверен, хороший человек. Ему, безусловно, приходится прилагать к этому меньше усилий. Я ничего о нем не знаю, кроме того, что его зовут Георгий, и, конечно, что он — далеко. Иногда мне нравится думать, что папа обо мне думает. Я не знаю, так ли это, но мама говорила, что папа знал: у них с мамой будет ребенок. У меня нет папиной фотокарточки, но я несколько лет записывал все черты, которые встречаются в моей семье с материнской стороны, чтобы установить, в чем я могу быть похож на отца. Этот анализ, по всей видимости, нельзя принимать всерьез, ведь генетика — удивительная вещь, иногда можно быть похожим не на маму и не на папу, а на прадедушку. Моя мама говорит, что я очень похож на папу, только я светловолосый, как она, а в остальном — папина копия. Но, насколько я знаю, многим мальчикам говорят именно так, даже если они со всей очевидностью похожи на своих матерей. Матери думают, что сходство с отцом делает их сыновей мужественнее. От папы мне, впрочем, вероятнее всего, достались крупный нос с горбинкой и зеленые глаза. Может быть, я стану больше похож на него, когда вырасту: такое случается часто. Мне бы этого хотелось. Так или иначе, когда я полечу в Космос, то найду его и увижу. Когда мы познакомимся, я сделаю все, чтобы ему понравиться. Я докажу ему, что в чем-то на него похож, и, несмотря на то, что в голове у меня живет червь, я могу стать полезным членом общества и обеспечить безопасность многих людей, которые и имени-то моего никогда не узнают (они никогда не узнают моего имени, потому что я не хочу славы). Вот зачем еще мне нужно в Космос.

4. Сегодня я еду в поезде, за окном такие краски, все красиво и ярко, и совсем уже начинается лето. А еще я еду на море — прежде никогда не видел никакого моря. На нашей небольшой планете много воды и много морей, есть даже два океана, таких больших, что это сложно себе представить. Впрочем, взгляд с берега не позволяет отличить

море от океана. С виду ни у того ни у другого нет края, и то и другое упирается в горизонт. Мысли о море, стремительные рывки поезда, особое путешественное настроение — все это заставляет меня мечтать о Космосе.

Таким образом, я изложил причины, по которым я хочу полететь в Космос, — от самой глобальной и вечной ко все более личным и сиюминутным. На первое место я поставил общественные ценности, на второе — тягу к познанию, на третье — семейные связи и, наконец, на четвертое — мое особое нынешнее настроение в преддверии лета.

Придет время, и я обязательно исполню свою мечту, ведь я много работаю, хорошо себя контролирую и очень стараюсь.

Конечно, я полечу в Космос не один. Со мной полетит мой лучший друг Андрюша. Он — большая умница. Мы с Андрюшей почти всегда все делаем вместе. Я выражаю самую искреннюю надежду на то, что Андрюша и в Космос отправится вместе со мной, мы вместе будем убивать вредителей и врагов прогресса. Конечно, у меня есть легкое беспокойство по поводу его морального облика (червь в голове — серьезная проблема).

Разумеется, в Космос полетит Володя, потому что у Володи получается все, за что он берется. Володя сохраняет бодрость и присутствие духа в любой ситуации, что, безусловно, пригодится в Космосе. Кроме того, у него лучшие оценки после Андрюши по всему-всему, кроме идеологической подготовки. Лучшие оценки по идеологической подготовке — у меня. Так и не скажешь, что у Володи в голове червь, это почти незаметно, когда общаешься с ним, и в нем меня вовсе ничего не тревожит, хотя я привык быть внимательным и бдительным.

В Космос наверняка полетит и Фира. Она добрая, хорошая и спокойная девочка. Никто не представляет такими девочек с нашей планеты.

Валя, конечно, тоже справится, потому что Валя такая упрямая. Она хорошо дерется и все время жует жвачку (первое — плюс, второе — минус).

Что касается Бори, я надеюсь, он никогда не полетит в Космос.

А еще будет известен только тем, что он — Володин брат. А лучше — совсем ничем не известен.

Впрочем, не по-товарищески с моей стороны писать именно так. Также я не хочу быть слишком самоуверенным, излишне самонадеянным и так далее и тому подобное, потому что всецело доверяю свою жизнь и судьбу, а также жизнь и судьбу своих товарищей партийному руководству.

На этом, кажется, следует закончить сегодняшнюю запись, но меня переполняют эмоции. Мне очень хочется поскорее оказаться в санатории. Мне хочется увидеть море и проверить, такое ли оно синее, как на картинках. Я хочу знать, как выглядят люди, которые живут там, где так тепло и хорошо. Мне нравится, как едет поезд, меня успокаивает его движение. Мне кажется, так должно наступать будущее: ему полагается быть неизбежным, как движение колесных пар по рельсам, ему полагается быть успокаивающим, как биение этого большого, железного сердца, ему полагается иметь предпосылку и цель, как всякое путешествие имеет начальный и конечный пункты.

Еще я подумал: когда-нибудь все мы станем взрослыми. Я очень этого хочу. Мне страшно надоело быть ребенком. Конечно, быть ребенком — биологическая необходимость. Но это также и трудность: никто не воспринимает тебя всерьез, многие вещи делать нельзя, а те, которые делать можно, еще не получается делать правильно.

Мама говорит, что для двенадцатилетнего я — весьма зрелая личность. Однако я не чувствую себя зрелой личностью, скорее наоборот. Поэтому я и веду эти записи (тетрадь под номером 32, самая толстая, купленная по случаю моего отъезда). Я довольно неповоротлив в своих мыслях, думаю медленно и обстоятельно, мне бывает тяжело отвлечься от каких-то важных, по моему мнению, вещей. В моей характеристике написано, что у меня эпилептоидный тип личности. Это значит, что мое мышление довольно вязкое. Я стараюсь

прилагать все усилия для борьбы со своей медлительностью, однако некоторая обстоятельность, как мне кажется, делу не вредит. Записи помогают мне, написав о чем-то, я могу на некоторое время отвлечься и посвятить больше времени учебе.

А сегодня началось лето, и это значит, что три месяца не будет никаких тренировок и уроков. Зато произойдет нечто другое, весьма важное и волшебное. Там, у моря, я наконец-то стану взрослым. Вернее, не я, а паразит во мне, но некоторые ученые говорят, что никакого меня и нет, есть паразит, и мое сознание — это сознание червя, и ничего больше.

Другие ученые спорят с этим, они говорят, что люди и черви находятся в сложной симбиотической связи, и нельзя сказать, кто кем управляет. А еще есть ученые, которые считают, что это человек управляет червем, и вовсе не наоборот. Я далек от науки, хотя и интересуюсь последними новостями, подписан на несколько научно-популярных журналов, а также регулярно прослушиваю познавательные радиопередачи. Все равно наука и технология от меня далеки, ведь наша планета, ради блага всех людей Вселенной, лишена большинства технологий современности, однако мне нравится представлять, как люди используют вещи, находящиеся далеко за пределами моего опыта.

Теперь следует вернуться к началу и рассказать о поезде, и море, и обо всем том, для чего я взял самую толстую, самую красивую, самую красную тетрадь.

Обычно люди ведут дневник по нескольким причинам: контейнирование эмоций, систематизация мыслей и консервирование воспоминаний. Так как я с гордостью могу назвать себя среднестатистическим человеком, я преследую все три цели. Мне бы хотелось сохранить этот день в памяти. Я постараюсь описать его очень точно и ничего не забыть.

Ночью я почти не спал, проснулся совсем рано, задолго до будильника. Мне вовсе не хотелось будить мою маму. Она работает на рыбоперерабатывающем заводе (невольная тавтология, которой нельзя избежать), мамыны руки всегда пахнут рыбой. Она активная, здравомыслящая, серьезная

женщина, которая не позволяет жизненным невзгодам себя сломить. Но ей тоже нужно отдыхать, и почаще.

Так что я лежал совсем тихонько и не нарушал правила совместного проживания. Необходимо уважать правила общежития — это первое, чему в своей жизни учится порядочный человек.

Я смотрел в окно. Я живу в самом центре нашей столицы. Из моего окна видно Кремль, и я с гордостью могу сказать, что проживаю по адресу Красная площадь, дом 6.

Это, конечно, совсем не та Красная площадь, но зато — самая первая из тех, что появились за пределами Земли, на других планетах.

Я горжусь тем, что у меня есть возможность быть частью исторического процесса, соединяющего прошлое и будущее.

В ясные дни из моего окна так хорошо видно Кремль. Сегодня, впрочем, день выдался, наоборот, совсем пасмурный, хмурый, серый. Синеватый туман заволок все на свете, и я почти ничего не видел, будто мой дом обложили ватой. Я ждал дождя, который прибьет этот туман. Я хотел еще раз посмотреть на красные башенки Кремля, перед отъездом мне это было совершенно необходимо. Никогда еще я не уезжал так далеко от дома. И никогда еще так не тосковал, ни по маме, ни по Красной площади, ни по нашей комнатке с высоким потолком и белыми занавесками.

Мне хотелось забрать это все, унести с собой, уложить в чемодан и никогда не оставлять. Накатила некоторая тоска.

Однако я одернул себя, потому как мне необходимо приучить себя к долгим расставаниям, если я хочу отправиться в Космос. Там все расставания очень долгие.

Ночью резко похолодало, под простыней мне было зябко, и сама эта простыня показалась мне вдруг влажной, неприятной, но я не решился встать — хотел выгадать еще совсем немного времени для моей мамы.

Я очень терпеливый (это отмечено в моей характеристике), так что мне не составило бы никакого труда лежать не шевелясь весь день, если так будет нужно.

Еще я могу причинить себе сильную боль: в тесте с током я и вовсе лучший.

Вообще-то, думаю, я выносливее всех своих товарищей. Если бы враги, и вредители, и галактические империалисты подвергли меня пыткам, я бы ни за что не сдался. Пожалуй, на этот счет я в себе уверен. Я не отвлекаюсь, хотя может показаться именно так. Замерзнув, дрожа, глядя в молочное утро за окном, я думал именно об этом: я хорошо терплю боль. Затем я понял, что проснулся от холода. Так бывает, если долго не спишь, можно заснуть под утро, а потом резко упадет температура тела в самый холодный час. И от этого просыпаешься в некоем обидном недоумении — так сложно заснуть, так легко проснуться.

Человек наиболее уязвим ранним утром — таково мое мнение. А уязвимей всего, когда просыпается от холода летом, такое сразу появляется ощущение обманутости, запутанности, неопределенности всего в мире.

И даже в первый день лета все равно обидно, когда холодно. Чтобы отвлечься от этой бессмысленной обиды на изменчивый мир, я стал перечислять про себя вещи, которые положил в чемодан. Одежда (не буду перечислять все, я и без того скучный), две зубные щетки: одна основная, одна запасная, зубной порошок и паста, ментоловый крем, детский крем, земляничное мыло, салфетки, расческа, ножницы, аптечка (снова обойдемся общим обозначением), письменные принадлежности, включая цветные карандаши, две книги: зачитанная до дыр и совсем еще новая, обе хотелось взять с собой, складной нож, фонарик, иголка и моток ниток, мой любимый плакат. Всего этого казалось достаточно, но меня не покидало ощущение, будто я что-то забыл.

Последней я положил в чемодан вот эту самую тетрадь, в которой пишу сейчас, красивую, красную и очень толстую тетрадь в клеточку. Я положил ее торжественно, так, словно чемодан был гробницей, в которую я опускал тетрадь, будто древнего царя, окруженного подданными и предметами роскоши, и после этого гробнице предстояло закрыться навсегда.

Впрочем, эта торжественность оказалась не к месту, не только по причине социальной отсталости подобного рода культов, а также и по менее возвышенным, более обыденным причинам. Например, чтобы достать эту тетрадь в поезде, мне пришлось открыть отсек под кроватью, вытащить чемодан, расстегнуть молнию, заставить чемодан снова распахнуть огромную пасть и создать тем самым на каждом этапе внушительные неудобства для всех. Стыдно до сих пор.

Утром я еще не знал, что мне придется все это проделать. Я думал начать писать по приезду в санаторий, думал, что основные впечатления возникнут у меня не раньше, чем когда я увижу море хотя бы из окна поезда.

Вернемся к раннему утру. Заснуть у меня так и не вышло, волнение переполняло меня, хотелось встать, пройтись, подвигаться не столько из-за холода, сколько из-за ощущения важности и значительности происходящего.

Когда я испытываю сильное волнение, у меня появляется ощущение, будто меня во мне слишком много, даже через край. С этим ощущением, куда более мучительным, чем холод, я и встретил звонок будильника — резкий, звонкий, бодрящий. Я тут же вскочил с кровати.

— Доброе утро, мама! — сказал я. — Я уезжаю в санаторий!

Мама сказала:

— Да, мой родной, как бы тобой гордился твой отец, если бы он только знал!

С этой мыслью мама и вставала утром, и ложилась спать. Я сказал:

— Чтобы не опоздать, мама, нужно все делать вовремя. Я пойду мыться, а еще я могу приготовить завтрак, а еще...

Я не договорил, потому что мне стало вдруг тоскливо. Я понял, что не увижу ее три месяца, только буду слышать ее голос, опуская монетки в телефонный автомат. Такие проявления деструктивной эмоциональности постыдны для взрослого мальчика, каковым я себя считаю (впрочем, «взрослый

мальчик» — это словосочетание, уже заключающее в себе противоречие, иными словами — оксюморон).

Я пошел в ванную, соседи еще спали — день был воскресный. Я долго мылся и долго чистил зубы. После этого старая щетка полетела в мусорное ведро, ведь я взял с собой две новые. Я привык чистить зубы с ожесточением, так, чтобы пена была розовой. Стоматолог говорит, что мое усердие излишне, но иначе зубы кажутся мне недостаточно чистыми.

В душе я все-таки постарался не задерживаться, как обычно, постоянно смотрел на часы (у меня они водонепроницаемые и противоударные, красивые часы «Победа» с красным циферблатом, в них я моюсь и сплю, мама сказала, что эти часы, новенькие, в коробке, оставил ей папа специально для меня).

Когда я, совершив все полагающиеся порядочному человеку гигиенические процедуры, включая чистку ушей, вышел из ванной, полностью готовый к особому новому дню, мама спросила:

— Арлен, ты хочешь кофе?

Предложение мне весьма польстило: кофе более взрослый напиток, чем чай, но я все равно попросил налить мне чай с лимоном. Еще мама сделала завтрак специально для меня, такой, какой я больше всего люблю: бутерброды с маслом и манная каша. Я очень люблю манную кашу, а еще бутерброды больше всего люблю с маслом. Но в этот особый, волнительный день есть было очень тяжело. Говорят: кусок в горло не лезет. Так иногда и бывает. Все казалось именно слишком жестким, таким, что может травмировать горло. Я заставил себя съесть один бутерброд, а дальше толькопил чай с лимоном.

Мама спросила:

— В поезде вас ведь покормят?

— Да, — сказал я. — Разумеется, нас покормят. Нам выдадут сухой паек.

Мама показалась мне какой-то уж совсем бледной, я спросил, все ли в порядке.

— Конечно, в порядке, — сказала она. — Я желаю тебе хорошо отдохнуть. С тобой все будет хорошо.

— Да, — сказал я. — Со мной все будет отлично. Когда я вернусь, я стану полезным для Вселенной. Я смогу делать великие дела. Я благодарен нашему мудрому руководству за возможность проявить себя с лучшей стороны и делом доказать мою верность.

Мама сказала:

— Это очень хорошо. Таким я тебя и воспитывала.

А над кроватью у меня висит (висел, я взял его с собой) плакат. Там мальчик, похожий на меня, и написано вот что: «Пионер, ты за все в ответе!»

Разумеется, этот плакат — репродукция тиражной графики давно ушедших времен. Но для меня он играет особую роль: я был и остаюсь в числе тех немногих детей, которые, как и дети ушедших земных времен, тоже зовутся пионерами. Слово «пионер» происходит от одного из земных языков, которых ныне уже нигде не услышишь, насколько я знаю, это означает что-то вроде «первопроходец». Наша группа — первая в своем роде, большой эксперимент, который должен закончиться грандиозным успехом. С самого начала проект назывался «пионерским». Разумеется, есть в этом названии и заигрывание с древней историей, весьма модное в наше время и в наших обстоятельствах. Для того, чтобы прошлое концентрированное присутствовало в наличной реальности, люди то и дело воскрешают его символы. Вот и мы носим красные галстуки и белые рубашки с нашивками, разве что на значках у нас совсем другая звезда — символ нашего Солнца, тот самый, которым оно обозначалось когда-то на звездных картах.

Мне нравится ощущать себя связующим звеном между прошлым с его культурным наследием и грядущим светлым будущим. Я хочу быть похожим на мальчиков и девочек, которые ставили общественное выше личного, помогали тем, кто нуждается в помощи, учились трудиться и защищать свой дом. Это кажется мне почетным.

Мне нравится думать, что я являюсь одним из немногих людей (если конкретно: нас шестеро), которые приняли эту историческую эстафету. Преемственность позволяет нам ощущать большую (с ударением на «о») значимость нас самих и большую (с ударением на «у») значимость общества, союза людей, живых и мертвых, населяющих разные планеты в разные времена.

Мне нравится быть частью чего-то большого и большего.

Но я хочу вернуться к моему утру. Чай казался мне горьким, вязал язык. Мама смотрела на меня, словно пыталась запомнить. Я сказал:

— Я не изменюсь внешне.

Потом я сказал:

— У товарища Шиманова только с руками проблемы, и то появились недавно, но он носит перчатки, и всё.

— Я не думаю, что ты изменишься, — сказала мама. — Я просто буду очень скучать. Но я горжусь тобой. Очень сильно.

И она протянула руку, коснулась моего лба, будто хотела проверить температуру. Руки моей мамы всегда чуть-чуть, но пахнут рыбой. Многим отвратителен такой запах, а мне — нет.

Мама мной очень гордится, ведь кто попало не может отправиться в Космос! Этого никак нельзя допустить, чтобы в Космос отправлялся кто попало! Очень много времени и сил моя мама потратила на то, чтобы я вырос достойным человеком.

Но в то утро она вдруг загрустила.

— Я тебя люблю, — сказала она. — Когда ты родился, я испытала нечто удивительное, я не знала, что можно так сильно любить. Даже представить себе этого никак не могла. Я всегда так и знала, что ты особенный, для особенных вещей, дел, времени. Что тебя ждет что-то такое, что никого здесь больше не ждет.

Подобные речи показались мне в высшей степени несвойственными для моей мамы. Она — большая активистка, как я уже, кажется, упоминал. Прежде, чтобы мотивировать

меня учиться усерднее, она использовала только аргументы, так или иначе связанные с ролью человека в обществе.

Я сказал:

— Мама, я вовсе не индивидуалист. Мое личное благополучие мало меня волнует.

— Я так тебя и учила, — сказала мне мама, и я вдруг подумал, что она подводит какой-то итог. Это означало, что я стану взрослым, и это означало, что мы впервые расстанемся надолго.

— Я вернусь осенью, — сказал я. — Тебе не стоит так волноваться. Я уже очень взрослый. Я соберу для тебя гербарий из красивых южных трав и куплю тебе варенье из роз.

— Я никогда не пробовала варенье из роз, — сказала мама и помешала ложкой чай, словно оно могло, по странной случайности, оказаться в чашке.

— Ты попробуешь, — сказал я. — Пожалуйста, давай обойдемся без сентиментальных сцен. Я очень сильно ценю твою заботу и буду по тебе скучать. Теперь не будем об этом.

Мама посмотрела на меня как-то странно, потом прикусила и без того бледную губу, вздохнула и спросила, уверен ли я, что ничего не забыл. Я продемонстрировал ей список с галочками, которыми отметил то, что уложил в чемодан.

— Я очень ответственно к этому подошел, — сказал я. — Видишь, сколько пунктов, столько и галочек.

Мама сказала, что я живу правильно, и это внушило мне большое, красивое чувство, похожее на надежду. Странное дело, я почти не спал, но сонным себя не чувствовал. Наоборот, казалось, я весь наэлектризован, и мир стал ярким, контрастным, почти угрожающе цветным. Это научный факт: цвета кажутся нам ярче, когда мы напуганы. Можно сказать, опасность стимулирует зрение.

Я боялся не чего-то конкретного, а только перемен в целом. Перемены я не люблю. Весь день у меня расписан по часам, и я стараюсь не нарушать расписание, а если его приходится нарушить, я даже злюсь. Перемены могут быть, впрочем, и хорошими, например, смена отсталого социаль-

ного строя на прогрессивный. Или грамотно проведенные реформы. Или когда дни становятся длиннее. Но все равно, я люблю порядок и постоянство почти во всем.

После завтрака мы с мамой вышли из дома, я все старался запомнить: наш длинный, всегда освещенный коридор, ряды галошниц, чужие двери, обтянутые синим, красным или зеленым кожзамом, запахи: сырости, чая, сигарет.

На улице стало совсем туманно, а туман, если честно, не самая приятная в мире вещь. От него бывает даже холоднее, чем от дождя. Мама тут же сунула руки в карманы. Она так быстро и легко мерзнет, всегда одевается теплее, чем большинство людей вокруг. Вот и сегодня утром она накинула осеннее пальто с красивой латунной брошью в виде птицы, расправившей крылья. Мягкая, тусклая, нежная латунь смотрелась на синеве ткани почти как звезда в ночном небе. Других украшений мама не носит, у нее нет даже сережек. Мама считает, что украшать себя безнравственно, это проявление индивидуализма и люди должны больше думать о вещах значимых и полезных.

Но брошь для нее сделал мой дедушка (сам он столяр, но у него очень хорошие руки и для работы по металлу), и для этой броши, единственной, мама всегда делала исключение.

Я помню день, когда стоял такой же туман. Я тогда был маленьким, и мы с мамой шли в булочную. Я начинал болеть, чувствовал, как поднимается температура, у меня текло из носа, и я то и дело чихал. А когда чихаешь, это всем известно, невольно закрываешь глаза. И я боялся, что моргну, выпущу мамину теплую руку, а мамы раз, и уже нет. И в таком густом тумане я никогда ее не найду.

Но теперь, конечно, я стал уже взрослым, на занятиях по ориентированию я показывал отличные результаты, и мог сам добраться куда угодно, а если нужно, то и маму спасти. Туман больше не вселял в меня никакого страха, разве что мне не хотелось простыть — ведь уже завтра я искупаюсь в море.

В метро мы с мамой встали в конце вагона. Мы никогда не садимся, если можем стоять, — такое у нас правило. Ведь